

Оглавление

Часть первая	9
Часть вторая	89
Часть третья	191
Часть четвертая	273
Часть пятая	373
Часть шестая	453
Часть седьмая	487

*Моей матери,
которая не располнела,
и моему отцу,
который не умер*

Часть первая

Стоим с братом Арни на окраине города — это у нас ежегодный ритуал.

Мой брат Арни жутко перенервничал, потому как через несколько минут, а может, часов, ну, короче, в течение дня к нам в городок Эндора, штат Айова, войдут колонны большегрузных фур, и прицепов, и жилых вагончиков. На одной фуре прикатит к нам «Спрут», на другой — карусель «Сюрприз» с синими и красными машинками; колесо обозрения приедет аж на двух грузовиках, игровые аттракционы — на прицепах, но что самое-то главное: приедут карусельные лошадки.

Для Арни такое событие — лучше Рождества. Лучше феи, которая приносит подарочек за выпавший зуб, лучше пасхального зайчонка: этих дурацких персонажей могут, похоже, терпеть одни только малявки да недоразвитые взрослые. Арни у нас даун. Ему скоро восемнадцать, и наша семья планирует отметить это событие на широкую ногу. Врачи нам твердили, что дотянет он хорошо если до десяти лет. Стукнуло ему десять — и ничего, живет себе дальше, а врачи теперь говорят: «Ждите с минуты на минуту: Арни может вас покинуть в любой миг». Так что каждый вечер, укладываясь спать, мои сестры, я сам, ну и мама, конечно,

все мы думаем: а проснется ли он утром? Иногда хочется, чтоб он еще пожил, а бывает, что и не хочется. В данный момент меня, например, так и тянет столкнуть его под колеса транспорта.

Моя старшая сестра Эми собрала нам корзину для пикника. В литровый термос залила черешневую шипучку «кул-эйд», которую Арни заглотил так стремительно, что у него над верхней губой образовались лиловые усы. Первое, что вам надо усвоить насчет Арни: у него на физиономии вечно красуются следы жратвы и питья, будь то шипучка «кул-эйд», или кетчуп, или хлебные крошки. Физиономия у него — как витрина для демонстрации четырех основных групп продуктов.

Арни — добрейшая душа, но брата своего, то бишь меня, способен удивить. Летом для него самое милое дело — наловить кузнечиков и бежать с ними к почтовому ящику: сажает каждого по очереди, придерживая за хвост, на край прорези и опускает железную заслонку — головы им рубит. А сам истерически ржет, кайфует. Но вчера вечером, когда мы сидели на крыльце и ели мороженое, ему, как видно, явилось бескрайнее море убиенных за все годы кузнечиков, потому что он разревелся и захлюпал, будто с жизнью прощался. А сам приговаривает: «Я их убил, я их убил». Ну, мы с Эми его обняли, по спине погладили, стали внушать, что ничего страшного не случилось.

Арни ревел без передышки, пока не заснул. А его старший брат, то бишь я, призадумался: каким был бы наш мир, если бы похоже раскаялись все уцелевшие фашисты. Вот вопрос: их когда-нибудь терзают угрызения совести, да так, чтобы от мыслей о бывших злодеяниях всем телом корчиться? Или они до того умны,

что научились обманывать не только нас, но и себя? Чем хорош Арни: он слишком туп, чтобы обманывать. А может, слишком умен.

Стою с биноклем, вглядываюсь в бесконечную трассу номер тринадцать — никаких признаков наших ежегодных увеселений. Братик мой опустился на колени, роется в корзине для пикника. Чипсы — оба пакета — уже стрескал, потом оба сэндвича с арахисовым маслом и джемом оприходовал, оба шоколадных пончика, теперь откопал зеленое яблоко и грызет.

Хочу заставить себя не обращать внимания на чавканье Арни, но это несбыточная мечта. Поймите: жует он так, будто только что обнаружил у себя рот и теперь издает смачные звуки добротного секса. От этого сосания и чмоканья меня так и тянет заняться продолжением рода с целой компанией лучших в Эндоре де-вушек.

Сегодня двадцать первое июня, начало астрономического лета, самый длинный день в году. Еще нет семи утра, а я уже тут, с мелким на буксире. А кто поумнее, тот в это время сладко спит.

— Гилберт?

— Что?

Арни оттягивает футболку ниже колен; с нее сыплются хлебные корки и плевки арахисового масла.

— Гилберт?

— Ну чего тебе?

— Сколько еще миль?

— Я не в курсе.

— Сколько, сколько еще до лошадок и до всякого такого?

— Три миллиона.

— Тогда ладно.

Арни надувает губы, изображает рокот мотора и бегаёт вокруг корзины, роняя слюни. Потом наконец садится по-турецки и начинает размеренно считать мили.

Я тоже нашел себе занятие: набрал камешков и кидая в дорожный указатель города Эндора, штат Айова. Указатель зеленый, с белыми печатными буквами, в отличном состоянии, если не считать вмятин, оставшихся после моих прошлогодних упражнений в меткости. На нем указана численность населения Эндоры — 1091 человек, и я вижу здесь неточность, потому как моя учительница миссис Брейнер (преподавала у нас во втором классе) вчера, сидя в кресле-качалке у себя на крыльце, подавилась куриной косточкой и задохнулась. Никто особо не расстроился.

Миссис Брейнер давным-давно ушла на пенсию. Жила поблизости от центральной площади, мы там сталкивались, считай, каждый день, и она ко мне с улыбочкой: небось думала, я забыл, как она меня в школе гнобила. Клянусь, эта карга лыбилась постоянно. Как-то раз закупились она в магазине, идет к дверям — а у нее пакет с продуктами лопнул. Консервированные персики, фруктовый коктейль — все банки на пол посыпались и ей голые стопы поранили. Мы с боссом своими глазами видели. По щекам слезы катятся — и улыбка от уха до уха. Я, конечно, банки ей перепакоевал, но она остановиться не может: лыбится и слезы льет, а у самой пальцы ног в крови.

Говорят, когда нашли ее на крыльце, она руками горло сжимала, шея вся была расцарапана, губы в тре-

щинах, а под ногтями следы кожи, до мяса содранной. Неужели и тогда она лыбилась?

Короче, увезли ее труп в Мотли, где Макбёрни держит похоронное бюро. Завтра в землю зароят.

— Гилберт?

— Да?

— Э-э-э...

— Чего тебе?

— Это. Лошадки, карусели, лошадки — они же придут? А?

— Приедут, Арни.

Живем мы, стало быть, в Эндоре, но, доложу я вам, описывать этот городок — все равно что плясать без музыки. Ну, городок. Фермерский. В центре — площадь. Старая киношка закрылась, теперь ездить приходится за шестнадцать миль, в Мотли, — только там и крутят фильмы. Наверно, половина здешнего народу — шестьдесят пять плюс, так что нетрудно представить, как весело в Эндоре по выходным. В выпускном классе нас было двадцать три человека, из них в городе остались четверо. Ребята большей частью перебрались в Эймс или в Де-Мойн, а самые пробивные рванули в Омаху. Среди тех, кто остался, — мой дружбан-одноклассник Такер. И еще братья Байерсы, Тим и Томми. Эти двое почему остались: из-за жуткой, почти смертельной аварии. Теперь оба вокруг площади гоняют, если можно так выразиться, на своих инвалидных колясках с электроприводом. Братья — главная, можно сказать, городская достопримечательность, тем более что они — близнецы. До того случая их вообще все пу-

тали. Но у Тима обгорело лицо, и кожу ему пересадили прямо как пороссячью. Парализованы оба, но у Томми вдобавок ступни оторвало.

На днях в интервью нашей ежедневной газете «Эндора экспресс» Тим, который с пороссячьей кожей, отметил в этом позитив: теперь их легко различать. Выйдя из детского возраста, каждый из братьев стал отдельной личностью. А это в Эндоре нынче дорогого стоит. Быть личностью. И видеть позитив. Среди наших земляков есть такие, кто лишился своей фермы — банк отобрал за долги, у кого-то сыновья на войне погибли, родня померла от болезней, а они смотрят с полуулыбкой тебе прямо в глаза и рассказывают что-нибудь позитивное.

Но сегодня утром никакой позитив не идет в голову. От фактов никуда не деться: мне двадцать четыре года, из Айовы я выбирался аж целый один раз, и жизнь моя уходит на то, чтобы пасти братишку-недоумка, бегать за сигаретами для матери да упаковывать продукты для уважаемых граждан Эндоры.

— Гилберт? — окликает Арни. На губах — глазурь, над нормальным глазом — комок джема.

— Что, Арни?

— А они точно приедут? Очень уж *долго*.

— С минуты на минуту будут здесь. — Плюю на бумажную салфетку, вытащенную из корзины.

— Нет!

— Подойди ко мне, Арни.

— Нет!

— Подойди ко мне.

— Все меня спонявят!

— И почему это происходит, как по-твоему?

— Потому что потому.

Для Арни это нормальный ответ.

Забив на генеральную уборку его физиономии, смотрю вдаль. Трасса пуста.

В прошлом году фуры приехали довольно рано. Трейлеры и пикапы — позже. Арни на самом-то деле интересуется только карусельными лошадками.

Я говорю:

— Слушай, Арни, я сегодня не выспался.

Но ему по барабану. Покусывает нижнюю губу: какую-то идею прокручивает. Мой брат — пухляк, а волосы у него такие, что каждая встречная старушка рвется его причесать. Ростом он на голову выше меня, зубы вразнотык. То, что он даун, не скроешь. Сразу заметно.

— Гилберт! Они не приедут!

Шикаю на него, чтобы не орал.

— Никто не приедет, Гилберт. Карусели в аварию попали, а работники повесились...

— Скоро будут здесь, — говорю ему.

— Они же *повесились!*

— Ничего подобного.

— Ты просто не знаешь! Ты не знаешь!

— Не всем же вешаться, Арни.

Он этого не слышит, потому что роется в корзине, достает второе зеленое яблоко, сует его себе за ворот и мчится в сторону города. Кричу ему, чтобы остановился. Но не тут-то было; пускаюсь за ним в погоню, хватаю поперек живота. Отрываю от земли; яблоко падает в жухлую траву.

— Отпусти. Отпусти.

Несу брата туда, где осталась корзина. Он стиснут, ногами обвил меня за пояс, пальцами впивается мне в шею.

— А ты вверх тянешься. Это тебе известно?

Он мотает головой: дескать, ты не прав. По сравнению с прошлым годом росту в нем не прибавилось, зато округлился еще больше, жирку накопил. Если так и дальше пойдет, я скоро его поднять не смогу.

— Ты еще растешь, — добавляю. — Мне все тяжелее на руках тебя таскать. И сил набираешься.

— Не-а. Говоришь на меня — переводишь на себя, Гилберт.

— Почему же на себя? Верь мне: Арни Грейп тянется вверх и набирается сил. Точно тебе говорю.

Опускаю его возле корзины. Еле дышу, на лице пот выступил.

Арни говорит:

— А ты вниз тянешься.

— Неужели?

— Я точно знаю. С каждым днем ниже и ниже. Все время унижаешься.

У глупых иногда проскальзывают умнейшие фразы. Даже Арни понимает, что я опустился ниже плинтуса.

Поскольку часов я из принципа не ношу, точное время назвать не могу, но этот миг, когда полоумный брат срывает бинты с моего сердца, отмечен воплем. Это вопит Арни. Он тычет пальцем на восток, и я навожу бинокль на крошечную точку, ползущую в нашу сторону. За ней тянутся другие точки.

— Это они? Это они едут?

— Они, они, — говорю.

У Арни отвисает челюсть. Он уже пляшет:

— К нам лошадки едут. Лошадки едут!

Завывая, он скачет кругами и пускает слюни. Арни сейчас почти в раю. Я не свожу глаз с него, а он — с растущего каравана. У меня одно опасение: как бы у него не прорезались крылышки — упорхнет ведь.

Утром того же дня ложусь вздремнуть на диване в гостиной.

Еле дождался, когда смогу передохнуть, придавить часок, но не тут-то было: в нос шибает жуткий запах, прямо голова раскалывается пополам. Глаза сами собой распахиваются. Озираюсь, еще окончательно не проснувшись, и вижу младшую сестру: расселась тут в шортах и в бюстике — ногти красит. А шмон-то какой идет... Боже правый.

Сестренку мою зовут Элен. В прошлом месяце стукнуло ей шестнадцать. Недавно избавилась от брекетов, теперь целыми днями расхаживает по дому, зубы языком проверяет и завывает: «Уу-аа», как будто не верит, что все зубы на местах.

С тех пор как сняли ей брекеты, от нее спасу нет. В ней вдруг проснулась страсть к блеску для губ и к ярко-красному лаку; ей, надо сказать, идет, но вредна такая стала, что не знаю, сколько еще смогу терпеть.

Запах лака поднимает меня с дивана и заставляет посмотреть на сестрицу в упор. А она знай изучает палец на ноге, поэтому приходится окрикнуть:

— Сестренка, тебе здесь удобно?

Эта не отрывается, мажет себе ноготь за ногтем. Ни ответа ни привета. Тут я не выдерживаю:

— НЕУЖЕЛИ ДРУГОГО МЕСТА НЕ НАШЛОСЬ?

Не поднимая глаз, сестра заводит свою песню:

— Гилберт, здесь некоторым всего шестнадцать лет. Некоторые пытаются использовать единственный шанс, предоставленный им жизнью. Я пробую нечто новое: экспериментирую с незнакомым цветом, и тебе ничего не стоит меня поддержать, приободрить. Тогда я, возможно, подумала бы над тем, чтобы перейти в другое место, но ты — мой брат, и если не ты, то кто же поддержит мой новый опыт? Кто? Отвечай: кто?!

Она часто и с присвистом дышит через нос.

— У меня такой непростой возраст. У девушек в моем возрасте случаются кровотечения. Кровотечения бывают у нас каждый месяц, и отнюдь не в наказание. Допустим, сидишь в церкви...

— Ты же не ходишь в церковь.

— Это для примера, Гилберт.

— Нечего прикрываться громкими словами.

— Хорошо. Допустим, я на работе, готовлю топпинги, скручиваю вафельные рожки. И вдруг чувствую: вот-вот начнется, но я же ничего плохого не сделала. Ты — парень. Тебе не понять этих ощущений. Так прояви хотя бы сочувствие, не дергай меня, когда я занимаюсь единственным делом, которое приносит мне радость и удовлетворение. Спасибо тебе Гилберт, большое-о-ое спасибо!

Смотрю на нее — и думаю, как бы ее прикончить, чтобы все было шито-крыто. Но она вдруг разворачивается и с топотом удаляется из гостиной, оставляя за

собой едкий запах своих экспериментальных ногтей. Я решаю покончить с собой через удушение — это самый доступный вариант. Накрываю лицо выдавшей виды оранжевой диванной подушкой; процесс пошел. Вскоре я достигаю той точки, в которой легкие требуют воздуха, а сердце — наоборот, и чувствую: кто-то тычет меня в плечо. Ну и семейка. Если это Эллен, первым делом надо удушить ее. А если это Арни, то мы сперва устроим драку подушками, чуток посмеемся, а уж потом я займусь удушением.

Но на сей раз со мной заговаривает старшая сестра, Эми. Она шепчет:

— Гилберт, поди-ка сюда.

Я не двигаюсь.

— Гилберт, прошу тебя...

Меня уже почти нет в живых. Она не может этого не видеть.

— Гилберт!

Легкие одерживают верх над сердцем, и я говорю: «Мне не до тебя», но подушку не отпускаю.

— По тебе не скажешь, что ты так сильно занят.

Эми хватается подушку за угол и стаскивает с моей головы. В глаза резко ударяет свет. Сестра стоит с расстроенным, озабоченным видом. Но что тут нового? Эми частенько напускает на себя выражение ужаса, оно мне даже полюбилось. Его предсказуемость как-то успокаивает. А вот когда Эми улыбается — жди беды.

Из всех нас, четверых детей семьи Грейп, Эми самая старшая. На десять лет старше меня: ей уже тридцать четыре. Я в ней вижу скорее мать, чем сестру.

Во время учебного года она ездит на работу в Мотли, в начальную школу Кловер-Хиллз. На подхвате у буфетчицы — подает малышне сосиски с зеленой фасолью и сахарное печенье. А кроме того, помогает учителям: по вечерам рисует аккуратные улыбающиеся рожицы на контрольных работах, написанных без ошибок. Но что самое главное: все лето Эми свободна. Во время учебного года наша семья неизбежно рассыпается, и за июнь, июль, август старшая сестра вновь собирает нас под крыло.

— Я сплю, — говорю ей. — *Пытаюсь уснуть.*

Мощной ручищей Эми прижимает подушку к своей нежно-голубой футболке с портретом Элвиса. Щурится, обжигая меня взглядом.

— Эми, я тебя умоляю. Боже милостивый, если Ты существуешь, молю Тебя. Сегодня мы с мелким ходили встречать аттракционы. В полпятого утра были уже у шоссе. Я не выспался. К десяти мне на работу. Прошу тебя, Эми, ну пожалуйста! Не надо так на меня смотреть!

— Мог бы подумать о маме.

Меня так и тянет сказать, что о маме я думаю постоянно, что каждый свой шаг соизмеряю с ней, но Эми не ждет ответа: она хватает меня за руку и рывком поднимает с дивана.

— Ох. Иду, иду.

Сестра пинками подталкивает меня к столовой.

— Весь дом смердит, — говорю я. — Господи, ну и вонища!

Эми останавливается. Мы пришли на кухню, где громоздятся скопившиеся за несколько дней горы не-

мытой посуды и многочисленные мешки с мусором. Она шепчет:

— А чего ты хочешь? Прислуги у нас нет. От Эллен проку никакого, ты все время пропадаешь на работе или неизвестно где. Меня на все не хватает.

С глубоким вздохом она делает разворот на триста шестьдесят градусов, как манекенщица на подиуме:

— Посмотри на меня. Нет, ты посмотри.

— Ну? — говорю я.

— Ты ничего не замечаешь?

— Новые шмотки? Хм. Сдаюсь. Что я, по-твоему, должен заметить?

— Я становлюсь похожей на маму.

Скатываясь до вранья, возражаю сестре:

— Ничего подобного.

— У меня из-под одежды складки выпирают. Я уже в кресле еле умещаюсь.

— Мама — это совсем другая история. Ты даже близко не...

— У меня начальная стадия, Гилберт. Ты видишь начальную стадию. — Обеими руками утирая глаза, Эми улыбается.

Приплыли.

Ну ладно.

Придется все же растолковать вам некоторые редко упоминаемые вслух истины насчет моей матери, Бонни Грейп.

Изящных выражений для этого не подберешь. Моя мать — жирная туша. Обьедаются начала семнадцать лет назад, когда отца нашли мертвым. С того самого дня жует без передышки, год за годом, и прибавляет фунт за фунтом; дело дошло до того, что ее реальную

массу тела определить невозможно. Ни одни бытовые весы не выдерживают.

Мамина спальня — наверху, первая комната от лестницы, но взбираться по ступенькам и вообще двигаться мама не любит. Днем она дремлет в этом мягком синем кресле, но часто просыпается, чтобы перекусить и перекурить. По ночам она не спит, сидит в том же кресле, дымит как паровоз и смотрит телевизор. Мы поднапряглись и купили ей телик с пультом. При ходьбе мама держится за мебель, стараясь передвигаться вдоль столешниц и шкафчиков. Чтобы дойти до туалета и присесть на унитаз, ей требуется минут пятнадцать. Мыться она терпеть не может и, если честно, скоро перестанет уместаться в ванне. Радостей в ее жизни мало: смеется она лишь в тех случаях, когда Арни устраивает для нее пляски-шоу, и лучится улыбкой, когда кто-нибудь из нас приносит ей блок сигарет (обычно я). Курит она исключительно «Кул».

Вот уже три года мать не выходит из дому; видим ее только мы — дети, да редкие бывшие подруги. В городе, разумеется, о ней судачат, но шепотом. Правда, рассмотреть ее вблизи удастся сантехнику, который ежемесячно приходит снимать показания счетчика воды. Однажды приезжал еще доктор Гарви — мы сами его вызвали, решив, что у мамы случился инфаркт. Но на самом деле она то ли чем-то подавилась, то ли кишечные газы в кровоток попали — что-то в таком роде.

Если указать маме на ее полноту или выразить опасения по поводу стойкой прибавки веса, она скажет: «Эй! Я покамест здесь! Жива еще! Не отдала концы в отличие от некоторых!»

Я пытаюсь ей внушить, что неумеренное обжорство равносильно суициду. Но такие слова произносить нелегко.

Короче.

Эми тащит меня через кухню. Мы останавливаемся на пороге столовой: мама с разинутым ртом сидит в кресле и храпит. Эми указывает пальцем на ее стопы. Отечные, красно-лиловые, сухие, в трещинах. Ни одна пара обуви уже не налезает.

— Можно подумать, — шепчу, — я ног ее не видал.

Сестра снова тычет пальцем куда-то вниз и одними губами произносит:

— Пол.

Не верю своим глазам. Пол под маминым креслом просел, выгнулся наподобие контактной линзы.

— Боже милостивый. — Ничего другого выдавить не могу.

— Это уже не шутки, Гилберт.

Однажды мы с сестрой сели попить пива, и, когда она подобрела, я предположил, что мама когда-нибудь провалится в тартарары и нас освободит. В тот раз мы от души посмеялись.

— Надо что-то делать, — говорит Эми, которой теперь не до смеха.

Чтобы вы понимали: я не плотник. Ремонтировать, чинить — это не мое. А Эми, заметьте, хочет, чтобы я укрепил половицы.

— Причем втайне от нее, — добавляет Эми свистящим шепотом.

Сестра права. Если мама узнает, что под ней вот-вот проломится пол, она будет днями напролет лить слезы.

— Надо с Такером поговорить.

Такер — мой лучший друг. Он обожает работу по дереву: своими руками делает скворечники, вырезает фигурки уток, мастерит стеллажи для своей коллекции пивных банок.

— Когда ты с ним поговоришь?

— Скоро. Реально скоро, обещаю.

— Давай прямо сегодня.

— Сегодня мне на работу.

— Тянуть нельзя.

— Ясное дело, Эми. — Пытаюсь уклониться, потому что ее лицо искажается все той же нелепой гримасой.

— Тогда вечером. Ладно, Гилберт? Гилберт, мы договорились?

Рывкаю: «ЛАДНО!» — и мама, всхрипнув, просыпается.

— Доброе утро, мама, — говорит Эми. — Завтракать будем?

Дальше — по накатанной. Мама возмутится: «А сама-то ты как думаешь?» Эми спросит: «Что сегодня приготовить?» — и мама закажет либо стопку блинчиков, либо пару вафель, либо гренки, а к ним полфунта бекона, причем, скорее всего, с яичницей — глазуньей или омлетом — из нескольких яиц, и перца не жалеть. Каждое блюдо должно быть перченым. Эми выполнит любой мамин каприз, и все получится очень вкусно, и мама, как большая девочка, съест все подчистую.

Напрочь лишившись аппетита, собираюсь выйти на свежий воздух. Резко отворяю сетчатую дверь от насекомых: у меня на глазах Арни ныряет в заросли хвойников за почтовым ящиком. Моего братца хлебом не

корми — дай поиграть в прятки, но только при условии, что искать его будут долго. Сдается мне, того же хочется почти всем, однако признать это готов лишь дурачок или малолетка.

— Где, интересно знать, наш Арни? — преувеличенно громко вопрошаю я. — Куда же он подевался?

На пороге появляется Эми и цедит из-за сетки:

— Спасибо, что переговорил с Такером.

Я морщусь — дескать, да какие проблемы, указываю на колючий куст и спрашиваю:

— Ты, случайно, не видела Арни? Как сквозь землю провалился.

Эми в этой игре — профи.

— Гилберт, я думала, Арни с тобой.

— Что ты, со мной его нет.

— Плохо дело: я рассчитывала, что он поможет мне готовить завтрак.

— Я сам его обыскался.

Вечнозеленые заросли хихикают.

— Мама проснулась, кушать хочет. Наверно, придется мне самой над блинчиками колдовать!

Тут поднимается дверь гаража, и оттуда выходит Эллен, в красно-белом полосатом бикини. Ногти на ногах и на руках покрыты одинаковым ярко-алым лаком. Она раскладывает наш единственный шезлонг и ложится позагорать на утреннем солнце. Чтобы вовлечь ее в редчайшую общесемейную забаву, спрашиваю:

— Эллен, ты, случайно, не знаешь, где твой брат?

Полный игнор. Перевожу взгляд на Эми. Хвойники проявляют беспокойство.